

ISSN 2227-2844

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

№ 12 (271) ЧЕРВЕНЬ

2013

ВІСНИК

**ЛУГАНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ
ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА**

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

№ 12 (271) червень 2013

Частина III

Засновано в лютому 1997 року (27)
Свідоцтво про реєстрацію:
серія КВ № 14441 – 3412ПР,
видане Міністерством юстиції України 14.08.2008 р.

Збірник наукових праць внесено
до переліку наукових фахових видань України
(філологічні науки)
Постанова президії ВАК України від 22.12.2010 р. № 1-05/8

Журнал включено до переліку видань реферативної бази даних
“Україніка наукова” (угода про інформаційну співпрацю
№ 30-05 від 30.03.2005 р.)

Рекомендовано до друку на засіданні Вченої ради
Луганського національного університету імені Тараса Шевченка
(протокол № 11 від 26 червня 2013 р.)

Виходить двічі на місяць

ЗМІСТ

„ПОДВІЙНЕ КОДУВАННЯ” ТЕКСТУ ЯК БАЗОВИЙ ПРИНЦИП ПОЕТИКИ СУЧАСНОГО ТВОРУ

1. Акіншина І. М. Євангельський сюжет у життєписній прозі межі ХХ–ХХІ ст.	5
2. Барбукова І. С. Жанрова специфіка інтернет-щоденників.....	15
3. Бондар Л. О. Семантичне навантаження прийому „театру в театрі” у сучасній драматургічній практиці.....	20
4. Бровко О. О. Варіації співвідношення „я – інший” у сучасній літературі (на матеріалі творів Б. Бойчука, В. Слапчука, М. Гримич).....	29
5. Галасва О. М. Пошуки прихованого сенсу буття в романі Галини Пагутяк „Книга снів і пробуджень”.....	39
6. Галич О. А. Інша біографія Хорхе Луїса Борхеса Міленка Паїча як квазі-життєпис.....	48
7. Евдокименко Е. А. Проявление архетипа матери в некоторых современных пьесах-сказках.....	58
8. Крот Т. О. Двойственность в изображении главных героев рассказов Людмилы Улицкой.....	64
9. Максєв О. О. Спроба кіноцентричної типології „mise en abyme” в інтерпретації Себастьяна Феврі.....	71
10. Мацевко-Бекерська Л. В. Художнє двосвіття прози Марка Леві: від приватної драми до універсальної інтерпретації.....	78
11. Неживий О. І. Поетика творчості Петра Біливоди.....	88
12. Пастух Т. В. Культурні коди Костянтина Москальця.....	101
13. Плотникова А. А. Иностранная лексика в творчестве А. Н. Вертинского.....	108
14. Сидорчук Е. В. „Двойное кодирование” текста как фактор жанровой трансформации фельетона: на примере сатирических циклов Д. Л. Быкова.....	116
15. Тендігна Н. М. „Двійництво” героїв у романі О. Ульяненка „Дофін Сатани”.....	124
16. Шкуропат М. Ю. Реализация приема двойничества в романе Персиваля Эверетта „Erasure”.....	132
17. Яковенко Г. О. Поема Патриції Килини „Полум’яний бик”: проекції двійництва.....	144

„ПОДВІЙНЕ КОДУВАННЯ” В КЛАСИЧНІЙ ЛІТЕРАТУРІ

18. Бахмач В. И. Мотив двойничества в поэзии Владимира Высоцкого.....	151
19. Вернік О. О. „Благословен еси, часе мій!” (образ Батьківщини в ліриці 1920-х років Є. Плужника та Є. Полонської: типологічний аспект).....	158
20. Воробкало М. О. Свобода и рабство в пьесе „Город Правды” Л. Лунца.....	165
21. Дмитренко В. І. Чорне і біле – інь і янь – вічний пошук гармонії (за драмою В. Винниченка „Чорна Пантера і Білий Медвідь”.....	173
22. Дубініна В. О. Феномен двоїстості у прозових творах Бориса Тенети.....	180
23. Егоров Б. Ф. Грех и страдание.....	186
24. Жижченко Л. Б. Особливості втілення мотиву двосвіття в повісті О. Кобилянської „Земля”.....	193
25. Зайцева Г. В. Концепція „двоїстості” в прозовому доробку Олени Пчілки.....	198
26. Зубарь Д. А. Мотив двойничества в трилогии Ф. Сологуба „Творимая легенда”.....	206
27. Иванова Н. П. Реализация концепта ‘Судьба’ в произведениях М. Ю. Лермонтова.....	214
28. Кіреєва О. В. Зображення реального й умовного світів через явище „тексту в тексті” в драмі Є. Кротевича „Секретар прем’єр-міністра”.....	226
29. Комаров С. А. Функционирование гротеска в фельетонах М. Булгакова и М. Зощенко.....	234
30. Кошеливская Ю. В. Мистика и реальность в творчестве Г. Иванова и В. Жуковского.....	244
31. Лабай К. В. Феномен двійництва у фаустівському сюжеті.....	250
32. Лях Т. О. Двосвіття як ознака неоромантизму в новелістиці Марка Черемшини.....	256
33. Погорелова Д. А. Грядущее, предвосхитившее себя: раздвоение времени в русской прозе В. В. Набокова.....	265
34. Струнин П. А. Гоголевские традиции в творчестве В. И. Даля.....	272
35. Чень Чень Лин. Использование фольклорных символов в рассказе Р. Погодина „Что у Сеньки было”.....	279
36. Юган Н. Л. Интерпретация и переинтерпретация действительности в повестях В. И. Даля „Савелий Граб” и „Гофманская капля”.....	284
Відомості про авторів	295

phenomenon of „duality” was submitted by Olena Pchilka in different aspects. The examples of specific characters is define the basic features of the embodiment artist concept „duality” in prose. In particular, in the image of Lena („Chad”) embodied „duality” of thought and action, that is to try to get close to the heroine of peasant children, however, succumbed to the influence, she changed his mind and went to a club in the city surrounded by the rich. Two of the world that are a writer in the story „Zbentezhena vecherya” is diametrically opposed to one another and embody the concept of „duality”: the world is simple Omelko, his family and his godfather – peasant rebel Olena Pchilka skilfully contrasted the rich world (godmother by Omelko, its environment and visitors). The duality of thought and feeling of Olympia Svojska („Artichokes”) lead to the moral impoverishment of a young girl. The influence of sectarian ideology on Orysyia Yaroshenkivna („Ryatuyte!”) led to a bifurcation of consciousness of the heroine. The duality of thinking Orysyia compels her to commit suicide, thereby saving her soul. Found that the writer used method antithesis for represents the phenomenon of „duality” in the narrations, which consists of a comparison of opposite opinions, or images to enhance the experience of the reader.

Key words: the concept of „duality”, the intellectual, the antithesis.

Стаття надійшла до редакції 02.04.2013 р.

Прийнято до друку 05.04.2013 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Дмитренко В. І.

УДК821.161.1–31.09+929 Сологуб

Д. А. Зубарь

**ПОЭТИКА ДВОЙНИЧЕСТВА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ
КАРНАВАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ В ТРИЛОГИИ Ф. СОЛОГУБА
„ТВОРИМАЯ ЛЕГЕНДА”**

Среди всех романов Ф. Сологуба мотивы двойничества и двоemiрия наиболее полно раскрыты в трилогии „Творимая легенда”. Сюжет этого произведения представляет собой параллельное развитие параллельных событий в двух параллельных мирах – российском городе Скородоже и Королевстве Соединенных Островов. Кроме того, почти все ключевые персонажи трилогии имеют двойников, живущих в параллельном мире.

На наш взгляд, двойственность является одним из основных принципов поэтики декадентского романа. А. Н. Долгенко говорит о принципе отбора времени – реальное время существует наряду с ирреальным (например, снами), причем ирреальное наделено признаками реального и способно трансформироваться в реальное (событийное)

время. Аналогичное явление, на наш взгляд, свойственно пространству декадентского романа, хотя бы потому, что пространству сна свойственна та же иллюзорность, что и времени сна. Ирреальное пространство существует наряду с реальным, наделено признаками реального пространства и эти пространства способны взаимно трансформироваться.

Двойничество героев романа связано с двоемирием и странствиями в инобытие. Причем границы в образах двойников размыты. Сложно сказать, являются ли двойники разными людьми, связанными мистической связью (ведь формально они не столь похожи), или это лишь перевоплощение одного и того человека при пересечении границы между мирами. Особенно ярко эта особенность проявляется в образах главных героев – Елисаветы Рамеевой и Георгия Триродова.

После огненно-прекрасной смерти Ортруды пробуждается в таинственном лесу Елисавета. В романе есть намек на то, что Ортруда и Елисавета – одно лицо: „Афра плакала о судьбе милой Елисаветы, с которой она познакомилась заочно, по ее письмам, и которая почему-то казалась ей похожею на королеву Ортруду” [9, с. 135]. По смерти Ортруды Филиппо Меччио говорит Афре о том, что королева была только сном Афры, она же была только сном Елисаветы Рамеевой.

Обратимся к обстоятельствам, при которых Елисавете приснилась Ортруда. На Елисавету в лесу нападают оборванцы, затем, когда уже почти свершается цель нападения, двух оборванцев и Елисавету окружают тихие дети, волшебные помощники Триродова, которые также проводят их через смерть в инобытие. В окружении тихих детей Елисавета и оборванцы слабеют и погружаются в сон: „Елисавета не уступала, парни свирепели, били ее сначала кулаками, потом быстро ломаемыми и оброснутыми ветвями. И когда уже долго длилась борьба и Елисавета начала слабеть... Вдруг бесшумною и легкою толпою выбежали на поляну белые, тихие мальчишки, легкие, быстрые, как летний дождик. Так быстро метнулись они из-за кустов, – набросились на диких парней и, белые, бесшумные, обступили, облепили, повалили, – усыпили, оттащили в глубину темного оврага. И бессильные распростерлись на жестких травах нагие тела” [10, с. 145]. Согласно символике романа эту сцену логично интерпретировать как смерть Елисаветы и напавших на нее парней.

Сон Елисаветы – смерть в Скородоже и переселение ее души в иное царство в ином облиии. Ее пробуждение – это смерть в ином царстве и возвращение оттуда, воскрешение в России. Приведем описание сна Елисаветы, сохранив деление на абзацы и пунктуацию романа: „От быстрых и бесшумных движений тихих мальчишков сладкое и жуткое объяло Елисавету забвение. Темные влачили миги, и среди них упало с вечеряющего неба ясное мгновение. И мгновение стало веком, – от рождения до смерти. Утром на другой день Елисавете ясно вспомнилось течение этой странной и яркой жизни – высокий, скорбный путь, жизнь королевы Ортруды.

И когда, задыхаясь, Ортруда умирала...

Шорох легких ног по траве разбудил Елисавету” [10, с. 145].

С этой точки зрения, история королевы Ортруды является сказочным сюжетом путешествия Елисаветы в царство мертвых и возвращения оттуда, то есть Ортруда являет трансформацией Елисаветы при переходе через границу между мирами. С другой стороны, Ортруда представлена нам как сон (сон Елисаветы и сон Афры), то есть как отдельный ирреальный двойник, существующий в иллюзорном мире. Однако, так или иначе, двойничество в „Творимой легенде” связано с двоемирием и смертью, представленной мотивом пересечения границы между мирами. При этом двойники могут одновременно и безболезненно существовать только в параллельных мирах по разные стороны границы между мирами, как только они оказываются по одну сторону, это неотвратимо влечет смерть одного из них.

Аналогична ситуация с Георгием Триродовым и его двойником принцем Танкредом, который путешествовал по России. Он нередко делится с окружающими информацией об этой стране, обладает некими тайными знаниями и верит в переселение душ. Триродов же хочет занять престол Королевства, „хотя бы потому, чтобы он не достался Танкреду”. Также немаловажны обстоятельства гибели принца Танкреда, который гибнет в стенах круглой башни, „на вершину которой восходила Ортруда”, от рук разъяренных солдат (образ башни как врат в инобытие рассмотрен нами в статье „Мотив смерти в трилогии Ф. Сологуба „Творимая легенда”) [6]. Танкред гибнет в то время, когда Триродов находится на пути к Королевству, связь с ним прерывается, и жители Соединенных Островов думают, что Триродов погиб. Однако гибнет Танкред, Триродов благополучно достигает места назначения, Таким образом, противостояние двойников разрешается в пользу Триродова.

В случае с Триродовым и Танкредом также сложно определить, является ли Танкред трансформацией Триродова при переселении, или же это более или менее независимый ирреальный двойник, сон Триродова.

Связь смерти с двойничеством в декадентском романе воплощает связь смерти с циклом обновления родового тела в карнавальной традиции. В рамках карнавальной традиции мотив смерти связан с циклом рождения-смерти, где смерть старой жизни означает начало новой и наоборот. В романе Ф. Рабле рождение Пантагрюэля влечет за собой смерть его матери, а его отец Гаргантюа не знает, смеяться ли ему от радости, что родился сын, или плакать оттого, что умерла жена. У Сологуба смерть также по-карнавальному связана с рождением: „Смерть жены Триродов почему-то ставил в связь с рождением сына. Хотя очевидной связи не было, – его жена умерла от случайной острой болезни. Триродов думал: „Она родила и потому должна была умереть” [10, с. 73].

Однако в декадентском романе мотив обновлений смертью в рамках цикла рождения-смерти звучит в несколько иной тональности. В

статье „Медицинский дискурс в романе Ж. К. Гюисманса „Наоборот” и повести Л. Н. Толстого „Смерть Ивана Ильича” нами отмечалось, что в эпоху *fin-de-siècle* тема вырождения рода и общества в целом, одним из симптомов которого считалась декадентская литература, являлась проявлением нарушений карнавального цикла обновлений рождения-смерти [5]. Обновление жизни, которое в эпоху ренессанса воспринималось с ликованием, в эпоху *fin-de-siècle* воспринимается с ужасом.

Наша точка зрения подтверждается, если мы обратимся к философии А. Шопенгауэра, причем не столько к ее этической части и пессимизму, сколько к онтологическим аспектам и образности. Мы применяем категорию образности к философскому учению Шопенгауэра, следуя точке зрения В. Д. Днепрова, согласно которой данной философской системе свойственна художественность способа доказательства и развития мыслей, а главным в ней является не теоретическое, а психологическое содержание [3, с. 432].

Философа также, как и декадентов с их пресловутым смертяшкинством, занимала тема посмертного существования. Карнавальный цикл жизни и смерти – лейтмотив философии Шопенгауэра. Приведем заключительные строки афоризмов житейской мудрости: „...Не то я постарался бы показать, как конец соединяется с началом, каким образом Эрос оказывается в тайной связи со смертью и как, в силу этой связи, подземное царство Оркус или Амантес египтян оказывается не только берущим, отнимающим, но и дающим, так что смерть является творцом жизни. Именно из этого Оркуса рождается все; в нем находилось все, что живет ныне; если бы только нам удалось понять фокус, посредством чего это происходит, тогда все стало бы ясным” [13, с. 420].

Философская образность Шопенгауэра соответствует карнавальной образности также в аспекте соотношения рода, родового тела и индивида. Родовое тело бессмертно, оно переживает цикл обновлений за счет смерти и перерождения индивидов. По мнению М. М. Бахтина, у Рабле „создается подлинно гротескный образ единой надындивидуальной телесной жизни – большой утробы, пожирающей – пожираемой – рожающей – рожаемой. Но это, конечно, не „животная” и не „биологическая” в нашем смысле, надындивидуальная телесная жизнь. Сквозь пожирающую и рожающую утробу Гаргамеллы просвечивает поглощающее и рожающее лоно земли, просвечивает и вечно возрождающееся народное тело” [2].

У Шопенгауэра это же явление представлено следующим образом: „...Все живет лишь одно мгновение и спешит навстречу смерти. Растение и насекомое умирают вместе с летом, животное и человек существуют недолго, – смерть косит неустанно. И тем не менее, словно бы участь мира была иная, – в каждую минуту все находится на своем месте, все налицо, как будто бы ничего не умирало и не умирает. Каждый миг

зеленеет и цветет растение, жужжит насекомое, сияют молодостью человек и животное, и каждое лето опять перед нами черешни, которые мы уже едали тысячу раз... То, что существует всегда, – это род, и, с сознанием его нетленности и своего тождества с ним, спокойно живут индивиды...” [14].

Однако цикл обновлений, вызывающий ликование в карнавальной традиции, у Шопенгауэра вызывает панический страх. Особого внимания с этой точки зрения заслуживает его взгляд на самоубийство. Единственным целесообразным способом сведения счетов с жизнью Шопенгауэр считал уморение голодом. Другие виды самоубийства он называет „шедевром Майи”, хитростью мировой Воли, так как в этих случаях самоубийца отказывается не от воли к жизни, а только от самой жизни. В рамках учения Шопенгауэра о посмертном существовании аскет, умирая от голода, методично „давит волю к жизни и выпадает из колеса перерождений” [8, с. 422]. В учении философа содержится протест против обновления надындивидуального тела, цикла рождения-смерти. В этом, на наш взгляд, принципиальное отличие декадентского мировосприятия от карнавального. Цикл перерождений у Шопенгауэра представлен не с точки зрения ликующего родового тела, а с точки зрения страдающего индивида. Обе традиции мыслят одинаковыми по сути категориями, но воспринимают их с диаметрально противоположными эмоциями. Учение Шопенгауэра – это антикарнавальное видение мира в карнавальных категориях.

Аналогичные идеи, трансформировавшиеся в эротическую сферу, по мнению О. Матич, были свойственны русскому модернизму. Эротическое воздержание считалось предпосылкой устранения смерти и обеспечения бессмертия тела. Такая практика имела целью устранить репродуктивный императив природы. По этой причине русскими модернистами отвергался гетеросексуальный союз, предполагавший продолжение рода и этим отсрочивавший желанный конец истории. Парадоксальная экономия страсти рассматривается исследовательницей в рамках двух стадий: на первой стадии, в пределах истории, участники должны накапливать энергию либидо в их смертных телах, на второй стадии, перейдя в постисторическое время, накопленная энергия должна быть израсходована в коллективном оргазме. Предполагалось, что такого рода освобождение энергии сделает тело бессмертным [1, с. 7].

На наш взгляд, преобладание тематики смерти в декадентском романе – это не любовь к смерти, а попытка преодолеть смерть (тем более что в рамках карнавальной логики обратности ни одно явление не дано вне слияния со своей противоположностью). Пресловутое смертяшкинство скорее следовало бы охарактеризовать не как очарование смертью, а как болезненный интерес к смерти, смешанный с желанием ее преодолеть. Отсюда и декадентская любовь ко всему искусственному: цикл рождения-смерти мыслится декадентами как

сущность природы. Борясь со смертью, с возвращением в лоно природы, декаденты стремились отгородиться от самой природы.

Несмотря на то, что личность автора нельзя отождествлять с его лирическим персонажем, мы все-таки позволим себе привести деталь биографии из письма Р. В. Иванова-Разумника к А. Белому, которая касается смерти Сологуба: „Девять месяцев не вставал с постели; мучился страшно, и чем дальше, тем больше... Умирать – страшно не хотел, не хотел и говорить об этом... В субботу возобновились мучения, он кричал, но уже не „Господи, прибери!“, а „не хочу умирать! Как она смеет, костлявая! Что я, разве лягушка, чтобы тащить меня в болото! Не хочу!“ [7, с. 256–257]. Сологуб, чей лирический персонаж был очень близок автору [12], боялся смерти, стремился победить ее, обрести власть над ней и вместе с тем испытывал перед ней панический страх.

Противостояние циклу перерождений довольно сложное явление для интерпретации. Наша версия заключается в следующем: если мыслить в категориях декадана, желание самоубийства, предчувствие смерти большого числа людей – это потребность в массовом обновлении жизни, связанная с вырождением общества. Однако сознание необходимости обновления вырождающегося общества (при этом вера в возможность такого обновления-возрождения ставится под вопрос) связана с естественным для человека страхом смерти, отсюда и протест против такой необходимости. Индивид, о котором природа, по Шопенгауэру, не заботится, раньше ощущал себя частью рода, осознавал свое тождество с ним, ощущал свое продолжение в природе, связь с предками и потомками. В эпоху fin-de-siècle человек стал воспринимать себя как нечто отдельное от других людей и природы, он перестал ощущать свое продолжение, стал переоценивать важность собственной индивидуальной шкуры, отсюда возрастающий страх смерти, страдания, инобытия.

В декадентском романе царство живых и иное царство представляют собой параллельные миры. Наличие двоимирия роднит декадана с романтизмом. Однако декадентское двоимирие принципиально отличается от романтического. В романтизме миры существуют отдельно, они накладываются один на другой, один отбрасывает тень в другой. Это – мир мечты и мир отторгаемой возвышенной душой реальности. Мечта в романтизме так и остается мечтой, она не воплощается. Призрак остается призраком, плодом фантазии, он не воплощается в жизнь, не обретает телесность. А жизнь, в свою очередь, не имеет ничего общего с недостижимой и прекрасной мечтой.

В декадентском романе параллельные миры – сообщающиеся сосуды, их содержимое постоянно перетекает из одного сосуда в другой. Мечта воплощается в реальность, бесплотное становится телесным. Реальность, в свою очередь, становится майей, видимостью, сном, теряет телесность. Романтическое двоимирие – сосуществование отдельных,

декадентское двоemiрие – взаимопереход противоположностей друг в друга.

Для декаданса характерна эклектика. Он сочетает в себе черты натурализма (предел телесности) и романтизма (предел бесплотности). Большую роль в декадансе играет тело, изображение наготы, сексуальности, а также образ надындивидуального тела. При этом важная роль в рамках мотива двойничества отведена бестелесным двойникам, видениям, переселению душ. Телесность и бестелесность, одушевленность и неодушевленность сосуществуют здесь в равной степени. Взаимоотношения тела и души, в особенности – бессмертного родового тела и бессмертного индивидуального духа лежат в основе декадентского конфликта. В этом – еще одно существенное отличие декаданса от натурализма и романтизма.

Список использованной литературы

- 1. Matich O.** Erotic Utopia : The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siecle / Olga Matich. – Madison : The University of Wisconsin Press, 2005. – 355 p.
- 2. Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – Режим доступа : <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html>. – Загл. с экрана. – Дата обращения 08.04.2013.
- 3. Днепров В. Д.** Черты романа XX века / В. Д. Днепров. – Л. : Советский писатель, 1965. – 548 с.
- 4. Долгенко А. Н.** Художественный мир русского декадентского романа рубежа XIX – XX веков: автореф. дис. докт. филол. наук : спец. 10.01.01 „Русская литература” / А. Н. Долгенко. – Волгоград, 2005. – 40 с.
- 5. Зубарь Д. А.** Медицинский дискурс в романе Ж. К. Гюисманса „Наоборот” и повести Л. Н. Толстого „Смерть Ивана Ильича” / Д. А. Зубарь // Литература в контексте культуры. – К., 2012. – С. 129–138.
- 6. Зубарь Д. А.** Мотив смерти в трилогии Ф. Сологуба „Творимая легенда” // в печати.
- 7. Иванов-Разумник Р. В.** <Письмо А. Белому> / Р. В. Иванов-Разумник // Творимая легенда. – М. : Худож. лит., 1991. – Кн. 2. – С. 256–259.
- 8. История философии** [Электронный ресурс] : Учеб. для вузов / под ред. В. В. Васильева, А. А. Кротова, Д. В. Бугая. – М.: Академ. Проект : 2005. – 680 с.
- 9. Сологуб Ф.** Дым и пепел / Ф. Сологуб // Творимая легенда. – М. : Худож. лит., 1991. – Кн. 2. – 302 с.
- 10. Сологуб Ф.** Капли крови / Ф. Сологуб // Творимая легенда. – М. : Худож. лит., 1991. – Кн. 1. – 494 с.
- 11. Сологуб Ф.** Королева Ортруда / Ф. Сологуб // Творимая легенда. – М.: Худож. лит., 1991. – Кн. 1. – 494 с.
- 12. Чуковский К. И.** Навьи чары мелкого беса [Электронный ресурс] / К. И. Чуковский. – 1910. – Режим доступа: http://fsologub.ru/about/articles /articles_239.html. – Загл. с экрана. – Дата обращения 08.04.2013.
- 13. Шопенгауэр А.** Афоризмы житейской мудрости // Свобода воли и нравственность / А. Шопенгауэр. – М. : Республика, 1992. – 448 с.
- 14. Шопенгауэр А.** Мир как воля и представление [Электронный ресурс] / А. Шопенгауэр – Режим

доступа: <http://www.kulichki.com/moshkow/FILOSOF/SHOPENGAUER/mir.txt>. – Загл. с экрана. – Дата обращения 08.04.2013.

Зубар Д. О. Поетика двійництва як втілення карнавальної традиції у трилогії Ф. Сологуба „Творима легенда”

У статті розглядається поетика двійництва у трилогії Ф. Сологуба „Творима легенда” як втілення карнавальної традиції, що трансформована в межах декадентського світогляду. Досліджуються особливості цієї трансформації та її зв'язок з філософською концепцією А. Шопенгауера. На підставі особливостей двосвіття та двійництва, що виділені в статті, робиться висновок про поєднання в декадентському романі романтизму як межі безплотності і натуралізму як межі тілесності. У декадентському романі паралельні світи – сполучені посудини, їх вміст постійно перетікає з однієї посудини в іншу. Мрія втілюється в реальність, безплотне стає тілесним. Реальність, у свою чергу, стає майей, видимістю, сном, втрачає тілесність. Романтичне двосвіття – співіснування окремоостей, декадентське двосвіття – взаємоперехід протилежностей одна в одну. Переважання тематики смерті в декадентському романі – це не любов до смерті, а спроба подолати смерть.

Ключові слова: двосвіття, двійництво, декадентський роман, карнавальна традиція.

Зубарь Д. А. Поэтика двойничества как воплощение карнавальнoй традиции в трилогии Ф. Сологуба „Творимая легенда”

В статье рассматривается поэтика двойничества в трилогии Ф. Сологуба „Творимая легенда” как воплощение карнавальнoй традиции, трансформированной в рамках декадентского мировоззрения. Исследуются особенности данной трансформации и ее связь с философской концепцией А. Шопенгауэра. На основании особенностей двоemiрия и двойничества, выделенных в статье, делается вывод о сочетании в декадентском романе романтизма как предела бесплотности и натурализма как предела телесности. В декадентском романе параллельные миры – сообщающиеся сосуды, их содержимое постоянно перетекает из одного сосуда в другой. Мечта воплощается в реальность, бесплотное становится телесным. Реальность, в свою очередь, становится майей, видимостью, сном, теряет телесность. Романтическое двоemiрие – сосуществование отдельностей, декадентское двоemiрие – взаимопереход противоположностей друг в друга. Преобладание тематики смерти в декадентском романе – это не любовь к смерти, а попытка преодолеть смерть.

Ключевые слова: двоemiрие, двойничество, декадентский роман, карнавальная традиция.

Zubar D. O. Poetics of Dualism as Manifestation of Carnival Tradition in the Trilogy „The Created Legend” by Fyodor Sologub

The essay focuses on the poetics of dualism in the trilogy „The Created Legend” by Fyodor Sologub as manifestation of the carnival tradition, which was transformed within the decadent worldview. The aspects of such transformation and its connection with the philosophical doctrine of A. Schopenhauer are studied in the paper. Based on the characteristic features of world duality and dualism, highlighted in the essay, it is concluded that romanticism as the extreme of incorporeity and naturalism as the extreme of fleshliness are combined in the decadent novel. In the decadent novel parallel worlds are connecting vessels and their content constantly flows from one vessel to another. The dream is becoming reality, ethereal becomes personal. The reality, in turn, is maya, visibility, sleep, losing physicality. Romantic world duality as the coexistence of separate entities decadent dvoemirie is the mutual opposites to each other. The prevalence of death in subjects decadent novel is not love to death, but an attempt to overcome death. Our point of view is confirmed if we look at the philosophy of Schopenhauer, not so much for its ethical side and pessimism as to the ontological aspects and imagery. We use the category of imagery to the philosophical doctrine of Schopenhauer, following the point of view of Dneprov under which this philosophical system, a fine artistic ways of proving and development of ideas, but mostly it is not a theoretical and psychological content. The characteristic of decadence is eclecticism. It combines the features of naturalism (the limit of physicality) and romanticism (the limit of disembodiment). An important role played by the body in decadence, the image of nudity, sexuality, as well as supra-individual body image. In this important role in the motif of duality assigned disembodied counterpart, the visions, the transmigration of souls.

Key words: world duality, dualism, decadent novel, carnival traditi

Стаття надійшла до редакції 30.03.2013 р.

Прийнято до друку 05.04.2013 р.

Рецензент – к. філол. н., доц. Ільїн С. О.

УДК 81-139:378

Н. П. Иванова

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ‘СУДЬБА’ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА**

Изучение ментального пространства автора невозможно без обращения к индивидуальной концептосфере того или иного художника. Современные исследователи (И. А. Тарасова, Ю. М. Фокина) указывают на то, что само понятие „концептосфера” понимается большинством